

ГЛАВА V*

МОДЕЛИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ И ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В мире XXI в. ... одновременно происходят два взаимосвязанных мегатренда¹. Во-первых, нарастание важности общемировых тенденций ... и рост понимания необходимости сотрудничества ... Во-вторых, внутри этой «рамки» развивается процесс усложнения, роста многообразия социальных, экономических и политических отношений как в отдельных государствах, так и между ними².

*А. Байнов,
политолог*

Международная и военно-политическая обстановка (МО и ВПО) в мире в XXI веке будет определяться как общими мегатрендами развития, так и политикой отдельных субъектов ВПО — как международных, национальных, так и общественных. Соответственно трансформируются и представления об обеспечении международной безопасности, сложившиеся в результате Второй мировой войны и распада мировой социалистической системы. Можно выделить два этапа, которые за эти десятилетия прошло мировое сообщество, естественно, понимая, что ни на одном из них не стало «абсолютной чистоты» в подходах различных государств.

I этап (1945–1990 гг.) — характеризуемый разделением мира на две основные противостоящие военно-политические группировки — НАТО и ОВД — действия которых были отчасти ограничены как существованием ОМУ, так и декларируемыми нормами международного права и международными организациями (ООН, ОБСЕ и др.).

II этап (1990–2010 гг.) — абсолютное доминирование США в военно-политической области, называемое «однополярным миром», которое в это время подвергалось эрозии со стороны растущего влияния новых центров силы и международных акторов, в т. ч. нарастающей культурной и этнической разнородности, изменением отношения экономических и военных сил и др. факторами.

Можно констатировать, что во втором десятилетии XXI века эти мегатренды сохранились, но их развитие привело к появлению новых самостоятельных и влиятельных субъектов ВПО, чья внешняя и военная политика все сильнее приобретала отчетливо выраженный национальный характер. Это характерно не только для новых крупных субъектов ВПО — Китая, России, Бразилии, Индии, но и для относительно менее заметных по своему влиянию государств и, — что важно, негосударственных акторов: международных институтов, общественных, политических и иных организаций.

* Данная глава подготовлена в соавторстве с аспиранткой МГИМО(У) Ю. А. Русаковой.

Очевидно — и это было признано во втором десятилетии XXI века, — что второй этап закончился и мир переходит в более нестабильный, как его назвали «турбулентный» период, где появляются как новые угрозы и вызовы, так и способы и средства их реализации и отражения. В этой

связи особенно остро встал вопрос фактически о создании новой системы международной и региональной безопасности, поиске новых моделей и представлений ее реализации. Именно такая новая модель (или модели) будут положены в основу нового миропорядка.

Две противоположные модели обеспечения международной безопасности

Можно сказать, что главнейший тренд XXI века — это строительство и закрепление нового мирового порядка³.

Т. Шаклеина,
профессор МГИМО(У)

Известно, что сложность любого материального объекта (процесса) может быть бесконечна, поэтому моделирование (упрощение) — неизбежный прием, к которому необходимо прибегать при анализе тех или иных сложных систем, а тем более общественных процессов. Это в полной мере относится к модели международной или региональной безопасности, которая в своих основных чертах является производной от модели формирующегося нового мироустройства.

Процесс формирования системы международной безопасности особенно сложен потому, что он включает в себя множество факторов — политических, экономических, технологических, гуманитарных и иных, с одной стороны, и разнесен по времени на различную перспективу, с другой. Вряд ли возможно учесть все эти факторы, в т.ч. переменные, и точно спрогнозировать их эволюцию на далекую перспективу. Тем более трудно предсказать вероятность появления качественно новых факторов, принципиально меняющих парадигму развития МО и ВПО. Однако можно определить общую, доминирующую тенденцию, которая в упрощенном виде позволяет судить о МО, и вытекающие из нее последствия. Эти последствия достаточно определенно укладываются в две основные доминирующие модели обеспечения безопасности, которые складываются в настоящее время.

1-я модель: обеспечение безопасности за счет преимущественно национальных средств, превосходящих (или компенсирующих) возможности других государств, предполагает:

- сохранение превосходства в научно-технической области и военной мощи;
- лидерство в НЧК и его институтах;
- создание качественно нового потенциала ВиВТ, прежде всего потенциалов ВТО и ВКО.

Надо сказать, что такая модель отнюдь не ориентирована исключительно на национальные возможности: по-прежнему важен поиск союзников, партнеров, но — важно подчеркнуть, — что в любом случае такие политико-дипломатические и военно-технические возможности рассматриваются прежде

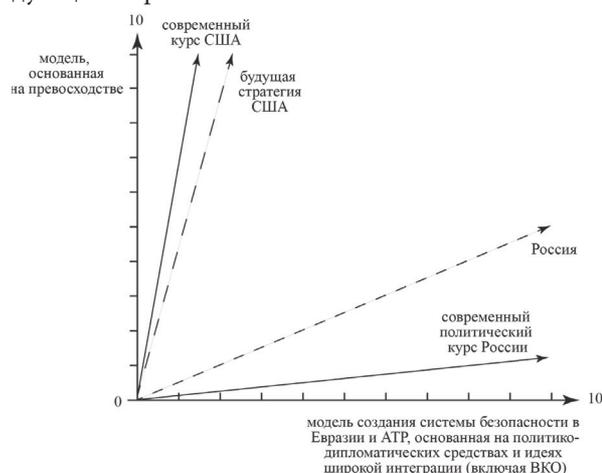
всего с точки зрения национальных интересов и совместимости с системой национальных ценностей.

Естественно, что чем сильнее государственная и военная мощь той или иной страны, тем больше возможности привлечь к сотрудничеству другие страны на своих условиях и преимущественно в своих интересах.

В наиболее явном виде эта модель — модель поведения США, которые стараются развивать сотрудничество на всех уровнях (например, даже на уровне Корпуса морской пехоты) в своих интересах. «Партнерство» — тот термин, за которым на самом деле скрывается явное подчинение других государств.

2-я модель: обеспечение безопасности преимущественно за счет политико-дипломатических средств и региональной (например, евразийской) интеграции (Россия, и др. государства).

Если попытаться представить эти модели графически, то можно предположить, что акцент (по 10-и балльной шкале) по осям абсцисс и ординат, соответствующим преимущественной ориентации стратегии модели № 1 и № 2, можно изобразить следующим образом:

Из рисунка видно, что:

Первое: современная модель обеспечения международной и региональной (евразийской) безопас-

Adapting for the Future, Meeting the Needs of the Nation

Today...	Tomorrow...
<ul style="list-style-type: none"> ❖ Refocusing training toward core competencies in the Joint, interagency and multinational environment → Decisive Action ❖ Adapting to our environment <ul style="list-style-type: none"> ▪ Smaller Army ▪ Enhanced Brigade Combat Team capability 	<ul style="list-style-type: none"> ❖ Strengthened global engagements <ul style="list-style-type: none"> ▪ Mission tailored, scalable force packages ▪ Building partner capacity ❖ Modernized Force <ul style="list-style-type: none"> ▪ Network ▪ Mobility ▪ Lethality ❖ Enhanced Resiliency for Soldiers, Civilians, and Families ❖ Strategic leadership at all levels

Committed to the Current Fight

ности, например, России в минимальной степени ориентирована на факторы силы и обеспечение национальной безопасности военно-техническими средствами. Россия и многие другие страны заинтересованы в том, чтобы усилить международно-правовые механизмы безопасности в силу не только понимания существа проблем современного мира, но и в силу относительной экономической и технологической слабости, отсутствия реальных союзников и других факторов.

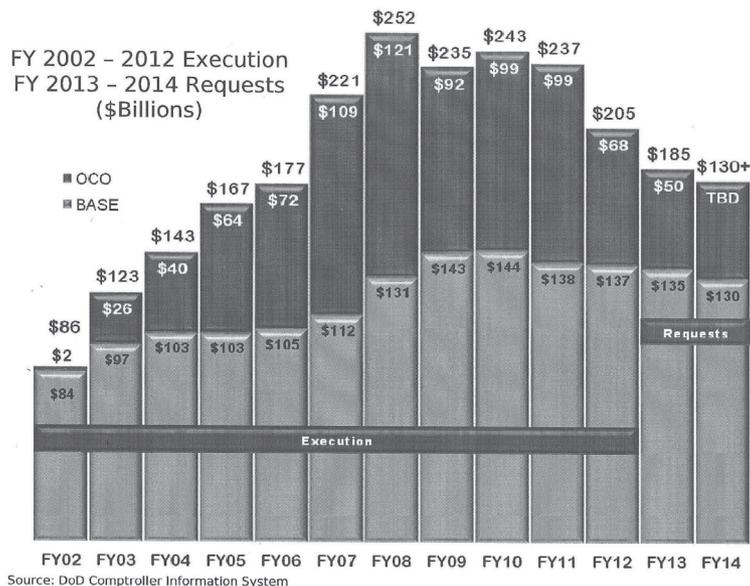
Второе: в такой же небольшой степени и американская модель учитывает несиловые факторы, хотя и не абсолютизирует собственно силовые. Другое дело, что способы и формы применения военной силы США рассматривают сегодня по-иному: прямое использование военной силы становится все дороже

и более рискованным, поэтому оно уступает место косвенным силовым методам и «мягкой силе», в особенности использованию потенциалов союзников и партнеров.

Конечно, «сотрудничество», предполагаемое с партнерами, также становится одной из форм использования их потенциалов и возможностей. Сегодня более 97 тыс. военнослужащих и гражданских лиц США размещены вне национальной территории. При этом, как следует из доклада, посвященного Армии США в 2013 году, они во все большей степени рассматриваются в качестве средства «усиления глобального участия» и «развития возможностей партнерства»⁴.

Относительное сокращение прямого использования военной силы США в военных конфликтах

Army Budget Trends

предусматривает сокращение расходов на Армию (Сухопутные силы) при перераспределении этих средств в пользу других, «непрямых» силовых компонентов.

Третье вероятно сближение стратегий России и США: по мере ослабления мощи, США больше будет прибегать к дипломатии, а Россия — к реальным инструментам мощи.

С тех пор, когда вышла книга З. Бжезинского, ситуация стремительно развивается. К сожалению, в опасном направлении. И хотя З. Бжезинский и его идеи уже не пользуются прежним влиянием, его прогнозы продолжают сбываться (хотя бы применительно к Евразии). Примеров множество, причем все они касаются так или иначе практически всех государств Евразии — от Сирии, Ирака и Афганистана, до стран Северо-Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. Так, в январе 2013 года США и Япония начали пересмотр руководящих принципов сотрудничества в области обороны впервые за 15 лет. Аргументом для этого явились заявления нового премьер-министра Японии Синдзо Абэ о территориальном споре с ядерным Китаем и ядерной Северной Кореей. Некоторые из западных обозревателей даже предрекали войну Японии и США с Китаем уже в 2013 году⁵. Думается, однако, что назревание конфликта будет происходить дольше и будет прямо зависеть от амбиций Китая, с одной стороны, и наметившейся тенденции роста военного потенциала, с другой.

Отдельно стоит вопрос о Центральной и Восточной Европе, где большинство стран ориентируются на США и НАТО, но, в то же время, уделяют внимание и своей безопасности. Так, военный бюджет Польши в 6 раз больше украинского, хотя их демографические и экономические потенциалы вполне сопоставимы⁶. И здесь также необходимо констатировать «расползание» системы европейской безопасности, сложившейся в XX веке, с одной стороны, и формиро-

вание единой военной политики Евросоюза, с другой. Насколько эта будущая политика Евросоюза будет совмещена с политикой НАТО покажет время. Ясно пока что одно: размещение элементов региональной системы ПРО США в Европе (пока что в Польше и Румынии) очевидно вносит свой элемент в раскол Европы и Евразии.

Становится все более ясным, что ни страны Евросоюза, ни США не заинтересованы в создании единой системы европейской и евразийской безопасности. Их намерения очевидны — обеспечить безопасность Евросоюза, более того, его влияние на всю Евразию, фактически игнорируя интересы России и других стран. Последние будут вынуждены либо принять предлагаемые (навязываемые) правила игры, исключаящие в том числе принцип равной безопасности, либо подвергнуться дальнейшему давлению. Это давление пока что проявляется в гуманитарной и торгово-экономической области, но границы этих областей с областью политического суверенитета все больше размываются. В том числе и с помощью переноса правовых норм Запада на российскую почву.

Вот почему интеграция Белоруссии и Украины с Россией в военно-политической области — вопрос огромной важности не только для России, но и для Украины и Белоруссии, по отношению к которым существуют политические и территориальные претензии.

Но, если Белоруссия достаточно интегрирована с Россией, в т. ч. и в области ПВО и ПРО, то Украина не только не интегрирована, но и в течение многих лет серьезно отстает по важнейшим направлениям, определяющим национальную безопасность. По сути дела военный потенциал Украины, особенно высокотехнологичный, исчезает. Поэтому основа для интеграции стремительно тает. Сами украинские эксперты отмечают «... если подвести итог всему

вышесказанному, то нужно отметить, что основные усилия большинства стран направлены в первую очередь на укрепление системы ПВО и формирование щита за счет боевых самолетов, зенитно-ракетных систем, ракет и военно-морских сил. Проводятся закупки и разработки ударных комплексов, систем обнаружения и обработки данных. Интенсивно проводится усиление мобильного компонента за счет закупок вертолетов и самолетов. Украина, которая до настоящего времени практически не занималась закупками нового вооружения и техники, к сожалению, является очевидным аутсайдером. А если принимать во внимание те обстоятельства, что государства, входящие в военно-политические блоки, интенсивно вооружаются и перевооружаются, а также отсутствие плана немедленного перевооружения, то становится вполне очевидным, что подобная политика крайне неосмотрительна и может быть даже опасной для безопасности государства»⁷.

Как и по отношению ко всему процессу евразийской интеграции, США и Евросоюз любыми способами будут препятствовать военно-политической интеграции славянских государств. Применительно к этой проблеме, для внешней политики недопущение интеграции России и Украины является приоритетом № 1 для внешней политики США не только в Европе, но и во всей Евразии. Причем, отрицая угрозу со стороны России, руководство НАТО отнюдь не заморозило свою подготовку к возможным военным действиям. Об этом, например, свидетельствуют учения, «Стойкий джаз», которые проводились НАТО на территории Польши и Прибалтики со 2 по 9 ноября 2013 г.⁸

В этих условиях евразийская интеграция, пожалуй, единственно возможный ответ России в политической, экономической и военно-политической области, который может оказаться эффективным. И, прежде всего, в ее наиболее важной и чувствительной области — ВКО, которая будет не только производным результатом от уровня развития науки и технологий, и НЧК в целом, но и сама станет мощным импульсом для их развития. Важно, чтобы это понимали не только в США, но и в России и других евразийских государствах.

Сегодня не существует не только сколько-нибудь связанной системы евразийской безопасности по аналогии с той системой, которая складывалась в Европе с начала 70-х годов прошлого века, но пока даже такой идеи, концепции. Пока что на эту роль реально претендует только НАТО, которая так или иначе распространяет свое влияние на весь континент.

Существует несколько возможных сценариев формирования такой системы, которые, сводятся в конечном счете к следующему:

1. Создание системы евразийской безопасности (по аналогии с ОБСЕ), куда входили бы все государства от Ирландии до Филиппин, предусматривающей не только политические обязательства, но и механизмы их реализации.
2. Формирование коалиционных систем международной безопасности, в центре которой находились бы ведущие державы и союзы континента:
 - США и Евросоюз;
 - только Евросоюз;
 - Китай;
 - Индия;
 - Россия.
3. Развитие существующих и создание новых военно-политических союзов (коалиций): ОДКБ, ШОС и т.д.

Понятно, что если говорить о потенциале ОДКБ или СНГ, то речь идет прежде всего о возможностях России.

Вместе с тем любая консолидация ресурсов имеет прежде всего политическое значение. Когда говорят о «бесплезности» союзников с военной точки зрения, «обременении» и т. п., упускается из виду, что военно-политическая коалиция, безусловно, дополняет политический, моральный и правовой потенциал любой нации и государства.

Есть, конечно, и наиболее реалистичный, четвертый сценарий: отсутствие любой коалиции. Для Соединенных Штатов и НАТО любые интеграционные инициативы в Евразии не просто не нужны, но даже опасны. Поэтому они будут любыми способами противодействовать складыванию любой военно-

Социально-экономические и оборонные показатели некоторых государств СНГ в 2013 году⁹

Страна	Население (млн чел.)	Штатная числ. ВС (тыс. чел.)	Доля контрактников в %*	Зарплата (долл.)	Расходы на оборону (млрд долл.)	Расходы на оборону от ВВП %	Расходы на оборону на душу населения (долл.)
Россия	143,3	1000	26	800–1200	65,7	3,2	458,5
Белоруссия	9,5	48	60	250–350	0,677	1	71,3
Казахстан	17	50	65	450–500	2,45	1,1	144,1
Украина	45,5	139	60	260–350	1,9	1	41,8

*В таблице даны показатели доли контрактников от общей штатной численности солдат и сержантов (прапорщиков) в Вооруженных силах этих стран

политической коалиции, ведь их вполне устраивает существование единственной — НАТО. Как справедливо заметил политолог С. Жильцов, «ЕС последовательно расширяет политическое влияние на Украину и Молдавию, предпочитая видеть их вне зоны российского влияния. Киев нужен Брюсселю в качестве противовеса российской политике на постсоветском пространстве. Отсутствие Украины в интеграционном проекте по созданию Евразийского экономического пространства значительно ослабляет позиции России»¹⁰. У США и НАТО есть много инструментов для того, чтобы не допустить такого развития, когда двустороннее или многостороннее сотрудничество

в отдельных областях перерастает в военно-политическую коалицию в Евразии. В том числе с участием стран Евросоюза. Они активно противодействуют и будут противодействовать этому. Вопрос в том, хватит ли понимания и воли у евразийских государств сопротивляться этому?

В конечном счете все будет зависеть от способности правящих элит адекватно воспринять современные реалии. И прежде всего то, что выживание наций и государств в современных условиях является высшим приоритетом. Экономическая выгода в этой связи может быть дополнительным стимулом, но отнюдь не обязательным условием евразийской интеграции.

Новые угрозы мировой и евразийской безопасности до 2030–2050 года

Парадигма, выражающая геополитическое самоутверждение России, должна стать руководством к активному действию в ближайшие год–два¹¹.

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Глобальное развитие становится все более неравномерным. Вызревает почва для новых конфликтов экономического, геополитического, этнического характера¹².

*В. Путин,
Президент России*

С долгосрочной точки зрения новые угрозы условно можно разделить на две большие группы: «классические», «традиционные» угрозы и «новые», «потенциальные» угрозы, которые нередко выпадают из фокуса общественно-политического и экспертного внимания, либо остаются незамеченными.

Первая группа — «классические», традиционные, уже известные угрозы, определенные и описанные к 2014 году в выступлениях и заявлениях высшего военно-политического руководства страны и важнейших нормативных документах — Стратегии национальной безопасности России до 2030 года, Военной доктрине РФ до 2020 года и др. Эти угрозы, безусловно, будут эволюционировать, развиваться, трансформироваться и приобретать в ряде случаев новые формы и содержание. Так, во втором десятилетии XXI века резко усилился процесс роста военно-политической напряженности в Евразии, который все отчетливее приобретал черты военно-политического противостояния США и их союзников, с одной стороны, и России, Китая, целого ряда евразийских государств, с другой. В 2011–2013 годах, например, именно этот регион был признан США наиболее приоритетным с точки зрения безопасности США, отеснив даже Ближний и Средний Восток. Вероятно, что уже в среднесрочной перспективе эта угроза будет развиваться по нарастающей и может приобрести форму военного

конфликта между некоторыми государствами Евразии и АТР.

Другая известная угроза — противоречие между тенденцией евразийской интеграции (как политики противодействия интеграции), создание системы безопасности на континенте и развитие систем ВКО в Евразии — две важнейшие тенденции, которые начинают не только доминировать в международных отношениях, но и оказываются тесно связанными между собой. Причем на самых разных уровнях и относительно разных стран. Так, стремительно усиливая свой наступательный и оборонительный потенциал в АТР, направленный прежде всего против Китая и России, США не только формируют военно-политическую коалицию в Евразии, но и всячески развивают ВТС со своими нынешними и потенциальными союзниками. Ключевая роль в этой политике принадлежит сотрудничеству в области ПВО и ПРО, которое во многом является не только следствием избранного политического курса тем или иным государством, но и само оказывает влияние на политические, в т.ч. интеграционные процессы.

Иногда вместе с тем явно недооценивается возможность евразийских государств в ядерной и воздушно-космической области. Эта возможность может приобрести новую формулу и качество, например, расширения клуба ядерных государств и стран, обладающих потенциалом стратегической дальности.

Основные угрозы и опасности, ожидающие Россию до 2030 и 2050 годов

«Традиционные» угрозы и опасности для России до 2030–2050 гг.	«Новые», «потенциальные» угрозы и опасности для России до 2030–2050 гг.
1. Угрозы государству	→ трансформируются в угрозы нации, государству и обществу, как цивилизационные, ценностные угрозы
2. Военные угрозы государству, характеризующиеся реальной возможностью возникновения военного конфликта	→ трансформируются в военные угрозы нации, государству и обществу
3. Угроза роста влияния государств, претендующих на всеобъемлющее доминирование	→ угроза роста влияния государств, претендующих на силовое продвижение своих систем ценностей, норм и правил существования
4. Усиление угрозы силового решения конфликтных ситуаций	→ превращение военной силы в «используемый» инструмент внешней политики в прямой форме в:
	– региональных конфликтах;
	– глобальных конфликтах
5. Угроза отсутствия международной и региональных систем безопасности	→ замена международной и региональных систем безопасности блоковой политикой
6. Угроза наделяния силового потенциала НАТО глобальными функциями	→ превращение к 2020 году НАТО в глобальный военно-политический союз, способный:
	– силовыми средствами проводить политику в воздушно-космическом пространстве;
	– обеспечить глобальное господство на море и морских коммуникациях
7. Угроза политики дестабилизации отдельных государств и регионов	→ усиление политики дестабилизации отдельных государств и регионов, превращение такой политики в стратегию «управляемого хаоса» с целью усиления внешнего контроля при сокращении экономических и военных возможностей
8. Угроза создания стратегической системы ПРО	→ создание способности гарантированного отражения ответного удара со стороны СЯС
	→ интеграция СЯС систем управления, ПРО и ВТО в единый «наступательно-оборонительный комплекс»
9. Угроза наращивания континентов ВС на сопредельных территориях и в прилегающих акваториях	→ создание постоянно (и временно) дислоцированных соединений и возможностей внешнего контроля на сопредельных территориях и акваториях:
	– на Дальнем Востоке;
	– ЦА;
	– Арктике;
	– европейских государствах
	→ В качестве новой угрозы можно прогнозировать вовлечение в деятельность НАТО государств (Финляндии, Молдавии, Украины, Грузии), прежде не участвовавших в этой деятельности
10. Угроза развертывания стратегического неядерного оружия	→ Развертывание в массовых масштабах стратегического неядерного оружия
	– КРМБ;
	– ЛА (включая гиперзвуковые);
	– воздушного базирования;
11. Угроза территориальных претензий к РФ и ее союзникам	→ усиление угрозы территориальных претензий к РФ и ее союзникам:
	– эволюция угрозы территориальных претензий в претензии на контроль природных ресурсов и территориальный раздел страны;
	– превращение угрозы претензий в политику развала и раздела соседних с Россией государств
12. Распространение ОМУ, военных технологий	→ появление большого числа новых государств, обладающих новыми технологиями, включая ракетные в Евразии, АТР, Л. Америке и Африке

Перечень государств обладающих баллистическими ракетами малой дальности¹³

№№	Страна	Название (дальность полета, км)
1	Индия	Агни 1 (800 км)
	Индия	Шаурья (600–700 км)
	Индия	Притхви I (150 км)
	Индия	Притхви II (250–350 км)
	Индия	Притхви III (350–750 км до 1000 при 250 кг ПН)
2	Пакистан	Газнави (350 км)
	Пакистан	Абдали (200 км)
3	КНР	ДунФен 11 (350 км)
	КНР	ДунФен-15 (600 км)
4	Иран	Фатех-110 (250 км)
	Иран	Шахаб-2 (700 км)
5	Израиль	Иерихон 1 (500 км)
6	Россия	Искандер (до 500 км)
7	Турция	J-600T Йылдырым I (150 км)
	Турция	J-600T Йылдырым II (300 км)
8	Республика Корея	Нуунмоо-1 (180–250 км)
	Республика Корея	Нуунмоо-2 (300–500 км)
9	США	АТАСМС (180 км)

В настоящее время военно-технические и экономические возможности ряда евразийских государств позволяют создавать не только системы ВТО, но и собственные системы стратегических наступательных и оборонительных вооружений, космические программы и проводить собственную научно-техническую политику. Причем речь идет не только о России, КНР и Индии, но и менее развитых государствах. Так, КНДР осуществляет уже собственную ядерную программу, проводит испытания МБР, выводит собственный спутник в космос. Иран осуществляет широкий спектр разработок — от ядерных исследований и создания баллистических ракет до производства КР, беспилотников и других систем ВТО. Пакистан, Республика Корея, конечно, Япония и целый ряд других стран резко активизировали свою деятельность практически по всем направлениям. Все это говорит о том, что происходит не просто процесс расширения круга государств, приобретающих самое современное оружие, но и создание новой научно-технической и технологической базы современных ВВТ в Евразии.

Вместе с тем необходимо выделить **качественно новые (уже отчасти существующие) перспективные военно-политические угрозы для России**, противодействовать которым нашей стране предстоит в ближайшие 20–30 лет. Это не просто тот срок, на который предлагал В. Путин «заглянуть за горизонт» с точки зрения ВВТ¹⁴, это тот период, когда произойдут неизбежные тектонические сдвиги в мировой расстановке сил — экономических, политических, научно-технических и военных. Это будет безусловно, качественно новая ситуация в системе безопасности.

Появление в конце января 2013 года двух принципиально важных документов — плана обороны России и решения ВПК, что ГПВ-2025 будет базироваться на прогнозе угроз национальной безопасности — хотя и запоздалый, но, безусловно, крайне необходимый шаг, который еще недавно был абсолютно невозможен. И не только потому, что были крайне ограничены ресурсы, но прежде всего потому, что господство либеральной идеологии «экономизировало» всю общественно-политическую жизнь страны, отрицая не только госрегулирование, но и, как следствие, необходимость стратегических прогнозов и стратегического планирования.

Конечно, финансово-монетарные власти, продолжая во многом контролировать экономическую политику страны, будут и дальше влиять на формирование военной политики (и в части приватизации, и «менеджеризма» ВС), но следует признать, что на рубеже 2012–2013 годов в этой области произошел серьезный идеологический перелом: В. Путин и часть поддерживающей его элиты сумели внести новые элементы в политическую и экономическую жизнь государства, направленные на укрепление его суверенитета. Без такого поворота необходимость в стратегическом прогнозе и планировании были бы невозможны.

Если говорить очень коротко, то **перечень новых наиболее приоритетных военно-политических угроз для России, формирующихся сегодня и, вероятно, сохраняющих свою актуальность до 2030 года, выглядит следующим образом:**

1. **Растущее отставание России в темпах развития и качестве национального человеческого**

капитала (НЧК) от ведущих стран мира неизбежно ведет в свою очередь к отставанию в:

- темпах роста, структуре и качестве ВВП, обрабатывающих отраслей в целом и ОПК, в частности;
- развитию наукоемких отраслей промышленности, современных технологий, включая военные, а в целом политике модернизации экономики страны;
- развитию государственных и общественных институтов, реализующих НЧП, включая неэффективность органов государственного и общественного управления;
- формировании «креативного класса», создающего основную часть национального богатства и ВВП страны;
- качестве НЧК в ОПК и ВС России.
- качестве и возможностях использовать «мягкую силу» в интересах обеспечения национальной безопасности.

Вывод: Надо ясно понимать, что в соревновании государств победит та нация (государство или коалиция), которая сможет добиться наибольших успехов в реализации НЧП, т.е.:

- созданию и продвижении новых идей;
- развитию социальной творческой («креативной») группы и институтов;
- создании оригинальных научных достижений и технологии.

2. **Депопуляция и деиндустриализация восточных регионов России (от Урала до Дальнего Востока).** Здесь находятся основные природные и минеральные ресурсы страны и максимально близко к новым, быстро растущим центрам силы в Евразии и АТР. Следствием дальнейшего развития этой тенденции с военно-политической точки зрения может быть:

- ослабление влияния России в АТР и Евразии, ее вытеснение — экономическое, политическое, военное — более сильными державами, прежде всего, США, Китаем и Японией;
- потеря контроля над частью территории и ресурсами восточных регионов, которые могут стать предметом договоренностей между США, Японией и Китаем;
- утрата политических и экономических позиций в Центральной Азии и Закавказье, переход этих государств под контроль других государств и появление военной угрозы с южного направления, дестабилизация ситуации на юге России и в Поволжье;
- раскол в конечном счете страны на европейскую и азиатскую части при полной потере суверенитета над восточными и южными регионами России.

Вывод: Уже в среднесрочной перспективе России грозит потеря контроля над большей частью территории и ресурсов страны.

3. **Формирование военно-политической коалиции под контролем США в АТР, Центральной Азии и на Среднем Востоке, враждебной России,** что создает новый спектр угроз южного направления:

- создание военной инфраструктуры США, стран Евросоюза и их союзников в Центральной Азии и Закавказье, способной не только контролировать этот регион Евразии, но и непосредственно угрожать Югу России, Западной Сибири, Уралу и Поволжье;
- приближение к центральным районам России сил и средств, способных к нанесению «обезглавливающего» и «обезоруживающих» ударов с помощью ВТО и неядерных стратегических вооружений;
- перенос политики «дестабилизации» политических режимов на территорию России, используя в этих целях национальные меньшинства, общественные, религиозные и иные общественные объединения.

Вывод: Невозможность создания евразийской коалиции вокруг «российского ядра» равнозначна политическому поражению, которое по своему значению будет тяжелее, чем военное поражение или экономическое отставание.

4. **Создание США и их союзниками ВТО и стратегических неядерных вооружений (КР, боевых ударных беспилотников, и бомб ракет класса «воздух–земля», ГЗЛА), способных:**

- интегрировать наступательные, оборонительные и информационные ВВТ в единый комплекс, способный обеспечить быстрый и эффективный переход от невоенного насилия (информационного и кибервоздействия) к прямому применению вооружений и достижению военной победы;
- обеспечить угрозу применения военной силы в открытой (эксплицитной) или закрытой (имплицитной) форме для обеспечения интересов США и продвижения их системы ценностей в России;

Вывод: В среднесрочной перспективе возможна девальвация значения СЯС и возвращение «используемости» военной силы в качестве политического инструмента, что объективно резко увеличивает риск крупномасштабной войны.

5. **Внедрение новых концепций применения военной силы, способных:**

- вернуть ей качество «используемого» политического инструмента против России;
- усилить влияние внешних факторов вплоть до утраты суверенитета;
- формировать системы управления ВС и ВВТ;
- создавать концепции информационного и кибернетического воздействия в качестве первой силовой фазы военных действий;

- объединять, прежде всего, в воздухе и космосе (от высот в несколько метров до сотен километров) информационных и огневых средств нападения и защиты;
- создавать системы «сетцентрического» управления вооруженными силами и ВВТ.

Вывод: Ведется активный поиск средств и способов использования военной силы, что по своей сути означает, что **сформулируются** новые задачи и ТЗ через ВиВТ на долгосрочную перспективу, исходя не столько из технологических и экономических возможностей, сколько из военно-политической необходимости.

6. Потенциальная возможность раздела «сфер влияния» между США и их союзниками, с одной стороны, и КНР, с другой, в Евразии и АТР:

- быстрое развитие нового центра силы в мире — Китая — неизбежно поставит вопрос о партнерстве (противодействие США и их союзникам, что может привести к разделу сфер влияния в Евразии: «отдавая» Северо-Восточную и Юго-Восточную Азию Китаю, США могут претендовать на Центральную Азию (включая Казахстан);
- по мере развития США и Китая их военные возможности, которые уже превышают возможности любой коалиции, могут превратиться в доминирующую в мире военную силу;
- компромиссом договоренностей США и Китая могут стать восточные районы России, включая не только их ресурсы и материальные активы, транспортные коридоры, но и территории.

Вывод: Формирование военно-политических коалиций становится неизбежным процессом при появлении новых центров силы и соперничества.

7. Возникновение новых центров силы происходит параллельно с подготовительным этапом к более активным военным действиям, которые могут наступить после 2020 года:

- неравномерность экономического, технологического и военно-технического развития создает предпосылки к изменению соотношения военных сил в мире, прежде всего в Евразии, что, в свою очередь, является прямым стимулом к применению военной силы;
- «подготовительный этап» отчетливо просматривается в тенденциях развития ВВТ в пользу ВТО неядерного авиационно-космического и морского компонента;
- завершение «подготовительного этапа» можно прогнозировать также исходя из концепции отказа от ядерного сдерживания, создания концепций первого, «обезоруживающего» удара и сетцентрических войн.

Вывод: Коалиционная стратегия предполагает совместное использование имеющихся ресурсов ради достижения общих цивилизационных, военно-политических и экономических целей.

8. Создание потенциала противоракетной обороны США в Европе, АТР, ЦА и на Ближнем и Среднем Востоке. Такой потенциал неизбежно будет интегрирован с системами ВТО стратегического назначения, которые в конечном счете должны **девальвировать значение потенциала сдерживания СЯС России.** Это стало очевидным достаточно давно, но в последние годы превратилось в острую проблему взаимоотношений между США и Россией. Еще в феврале 2007 г., выступление Путина на ежегодной Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности (ранее известной под названием Конференция по военным вопросам (Wehrkunde Conference), куда он был приглашен в качестве гостя, многих на Западе застало врасплох. В своей речи он жестко заявил, что объявленное развертывание системы противоракетной обороны США в Польше и Чехии носит ни в коей мере не оборонительный, а скорее, наступательный характер, и нацелено не на Иран, а на Россию. Путин доказал аудитории ее наступательный характер, в т.ч. и то, что она нацелена не на Иран, а на Россию: НАТО выдвигает свои передовые силы к нашим государственным границам... «Думаю, очевидно: процесс натовского расширения не имеет никакого отношения к модернизации самого альянса или к обеспечению безопасности в Европе. Наоборот, это серьезно провоцирующий фактор, снижающий уровень взаимного доверия. И у нас есть справедливое право откровенно спросить: против кого это расширение? И что стало с теми заверениями, которые давались западными партнерами после роспуска Варшавского договора?»¹⁵

Девальвация ядерного сдерживания объективно создает качественно новую военно-политическую ситуацию в мире, которую можно охарактеризовать следующим образом:

- появление у США возможности «гибкого» использования военной силы против России, ее союзников и партнеров без опасения эффективных ответных мер;
- превращение ядерного оружия в предмет не только переговоров о его ограничении, но и уничтожении (по аналогии с химическим и другими видами ОМУ);
- расширение силового, в т.ч. экономического и гуманитарного, спектра воздействия США на другие страны;
- закрепление военно-технологического лидерства США в качестве главного инструмента влияния в условиях относительного

- уменьшения экономического и финансово-го влияния в мире;
- резкое расширение числа стран, способных самостоятельно создавать системы ПВО и ПРО. Индия, например, уже ведет разработку региональной эшелонированной системы противоракетной обороны, где роль ближних (к обороняющейся стороне) оборонительных эшелонов будут играть элементы израильских систем «Хец» и «Железный купол» (или их аналоги, разрабатываемые совместно с Израилем с начала 2000-х годов). Кроме того, Индия приняла на вооружение баллистические ракеты семейства «Агни», способные поражать цели в глубине территории Китая¹⁶.

В свою очередь, Китай, наблюдая за этими приготовлениями, и опасаясь ВМС США (которые в случае войны блокируют пути поставок энергоносителей по морю), создает свою систему экономической и региональной безопасности, предназначенной для защиты коммуникаций. В частности, планирует строительство, или строит газо- и нефтепроводы, железные дороги, шоссейные трассы, логистическую инфраструктуру по маршрутам:

1. Китай — Киргизия — Узбекистан — Туркменистан — Иран;
2. Китай — Пакистан — Иран.

Главная задача этих путей сообщения — доставка энергоносителей в Китай, а также проецирование силы в регион бывшей советской Средней Азии (Центральной Азии — ЦА), и в регион Персидского залива. Причем работа уже кипит вовсю: строятся пути сообщения в Киргизии и Узбекистане, скупаются все, что может иметь хоть какую-то ценность для Китая в ЦА, планируется строительство газопровода Иран — Пакистан¹⁷.

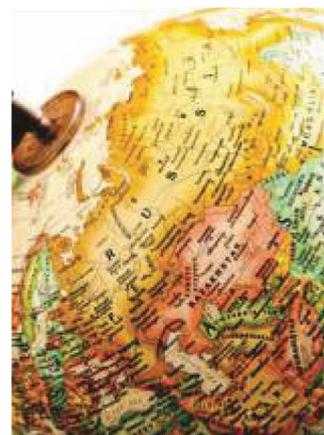
В этом евразийском котле противоречий особая роль принадлежит двум сильнейшим мировым державам — США и Китаю, чьи военные рас-

ходы уже многократно превышают уровень других стран. США, например, в целях сдерживания Китая планируют привлечь в АТР большую часть своего военно-морского потенциала (до 60%), создание широкого фронта стран — соседей Китая, опасаясь подпасть под влияние, несовместимое с сохранением национального суверенитета. Особая роль в этом альянсе отводится Индии.

Важнейшее значение в этой связи приобретает евразийская военно-политическая интеграция и военно-техническое сотрудничество. Особенно в области ПВО–ПРО–ВКО.

Евразийская интеграция — тема, ставшая особенно популярной после известной статьи В. Путина, опубликованной 4 октября 2011 года в «Известиях», к сожалению, свелась пока практически к экономическому и таможенному сотрудничеству России, Казахстана и Белоруссии, хотя выдвигаются идеи усиления двухстороннего и многостороннего сотрудничества в ОДКБ, прежде всего в наиболее чувствительной области — ПВО–ПРО. В частности, Россия, Белоруссия и Казахстан (с января 2013 г.) находятся в процессе создания единой системы ВКО¹⁸.

Этот акцент заведомо ограничивает масштаб и характер процесса интеграции узкоэкономическими «выгодами» и расчетами. За скобками дискуссии по интеграции остались такие ключевые проблемы, как единая ценностная система, внешняя и оборонная политика, которые являются приоритетными, например, в Евросоюзе. Станным образом эти ключевые проблемы пока что «выпали» из эпицентра «евразийского» дискурса. И напрасно, ведь именно они являются в действительности ключевым

объяснением идеи евразийской интеграции. Хотя это признать правящие элиты или нет.

Надо признать, что постсоветским государствам, а также ряду других государств Евразии ещё предстоит более четкая самоидентификация в новых условиях. Прежде всего с точки зрения выбора внешнеполитической стратегии и военной доктрины. Этот выбор, в конечном счете, будет означать выбор между «разновекторностью», ложным пониманием суверенитета и ориентации на военно-политическую интеграцию с одним из центров силы в Евразии — США, Китаем, Россией или исламским миром. Такое самоопределение должно произойти неизбежно. «Маневрировать», совмещать разновекторность становится все труднее. Но для этого еще предстоит произвести переоценку ценностей внутри самих элит.

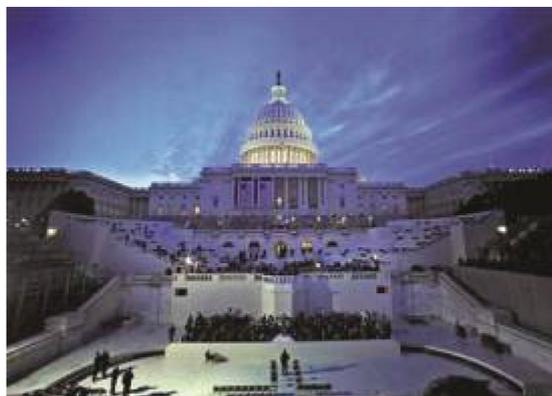
Этим национальным элитам еще предстоит так или иначе признать, что горбачевский развал СССР не принес их народам ничего — ни в экономике, ни в политике, ни в безопасности, — ради чего стоило бы цепляться за идеи суверенитета и «самостийности». Разваливая СЭВ и ОВД, в конечном счете СССР, элиты пошли вопреки доминирующим тенденциям мировой и региональной глобализации. Успешная интеграция, как показывает, пожалуй, единственный положительный пример в мире — Евросоюз — становится следствием не столько экономической выгоды (как почему-то общепринято считать), но и общности ценностей и интересов в области безопасности и военно-политического сотрудничества.

Такое утверждение становится еще более спорным в начале XXI века, когда в мире наблюдаются процессы нарастания противоречий, конфликтности и резкого увеличения объема информации: во втором десятилетии нашего века ее удвоение происходило ежегодно, а еще в первой половине XX века — раз в 30 лет. Это сказывается на качестве управления, включая государственное, военное и общественное, что во многом предопределяет принятие эффективных политических и военных решений, ставит их в зависимость от способностей обрабатывать, систематизировать информацию, т.е. от качества информационных ресурсов государства. По этому поводу некоторые эксперты высказывают справедливое мнение, что «снижение качества управления оборачивается нарастанием хаоса и, как следствие, — военными угрозами передела сфер влияния, власти, собственности»¹⁹. От качества информационных ресурсов в решающей степени зависит сегодня и качество ВВТ, и эффективность концепций их использования.

В силу этих и целого ряда политических, экономических и военных причин во втором десятилетии XXI века стремительно увеличивается значение воздушно-космических средств нападения и обороны, которые превращаются в главный военно-силовой компонент, способный решать как политические,

так и собственно военные задачи. Это хорошо видно на практическом примере вывода американских войск из Афганистана. Не только эксперты, но и сами военные из Афганистана говорят о том, что национальная армия окажется небоеспособной, потому что не имеет ни собственных ВВС, ни систем ПВО, ни артиллерии²⁰.

Прежде всего речь идет, конечно, о современном военно-политическом значении ВКО, но в системе силового обеспечения американской внешней политики, которая откровенно ставит своей задачей сформировать новый мировой порядок. Как заметил президент США Б. Обама в очередной «Стратегии национальной безопасности США», «так же, как Америка помогла определить курс XX столетия, мы должны теперь построить источники американской силы и влияния, и сформировать мировой порядок, способный к преодолению проблем XXI столетия»²¹.

Очевидная установка на использование «мягкой» и «жесткой» силы во внешней политике США означает насильственное продвижение системы ценностей в мире. Это невозможно без обеспечения такой политики соответствующим военным потенциалом. Сколько бы ни говорилось о невоенных формах влияния, фактом остается, что военная сила в последние два десятилетия используется чаще и в больших масштабах, чем в период военно-политического противостояния двух блоков. Да и «мягкая сила», как оказывается, бывает эффективной лишь в том случае, когда она подкреплена возможностями «жесткой силы». И прежде всего — возможностями воздушно-космического нападения. Об этом вполне определенно сказал, например, один из ведущих политологов и участник Проекта по реформе национальной безопасности Дж. С. Най: «...определение необходимой силы зависит от ресурсов, то есть от того, что позволяет получить желаемое поведение или, скорее, достижение желаемого результата от демонстрации силы»²².

Этот общий принцип современной политики США вполне конкретно проецируется на Евразию, где «...одним из оснований внедрения в регион была выдвинута концепция „Большой Центральной Азии“, в которую, помимо пяти новых независимых государств Центральной Азии, входили бы

и другие, лояльные США азиатские государства, тем самым отдаляя бывшие советские республики Центральной Азии от России»²³, — считают эксперты МГИМО(У).

Стратегические интересы США в Центрально-Азиатском регионе впервые были четко зафиксированы в апреле 1997 г. в специальном докладе, направленном в Конгресс Государственным департаментом США. В документе указывалось, что США, будучи крупнейшим в мире потребителем энергоносителей, заинтересованы в «расширении и диверсификации» мировых энергетических ресурсов. Более того, констатировалось, что по своему характеру американские интересы в этом регионе носят не только экономический, но и стратегический характер, т.к. «проблема непосредственно касается обеспечения безопасности Запада».

Кроме того, совершенно очевидно, что США стремятся не допустить восстановления стратегического присутствия России на этой территории, а также создания политического союза между Москвой, Пекином и Тегераном. Немаловажным остается и то, что для США Центральная Азия служит стратегически важным плацдармом на случай эвентуальной конфронтации США с Россией и Китаем в регионе²⁴.

Подобные политические установки подкрепляются созданием такого военного потенциала, который смог бы обеспечить глобальное использование

военной силы за рамками традиционных представлений о ядерном сдерживании, которое остается единственным атрибутом России как великой державы и компенсирует очевидное американское ин-формационное, военно-техническое и экономическое превосходство. Тем более, подобные политические установки угрожают государствам, не способным самостоятельно противодействовать воздушно-космическому нападению. Как показал опыт последних лет, именно эта форма использования военной силы стала преобладающей в боевых операциях. Соответственно возможности, способные нейтрализовать такое нападение средствами ПРО–ПВО, становятся решающим политическим инструментом.

Применительно к России и другим ядерным державам Евразии ликвидация последних компонентов ядерного сдерживания, или их нейтрализация — очевидная цель, преследуемая США в развитии систем ПРО и массовом производстве ВТО, прежде всего систем стратегического неядерного наступательного потенциала. Эти тенденции в политике США и их союзников заставляют по-новому рассмотреть не только области вероятного военно-политического противостояния в Евразии, но и его последствия для развития международных отношений и глобальной геополитической ситуации. Прежде всего в Евразии, которая стала эпицентром военных конфликтов.

Политические аспекты развития сценария евразийской интеграции и формирования будущей ВПО — как будущая модель безопасности

Рождение военной силы как одного из ключевых инструментов внешней политики ... ставит перед Россией весьма серьезный вопрос: как действовать в случаях, когда США — в одиночку или вместе со своими союзниками могут применить военную силу в превентивном порядке ...?²⁵

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

... в Советском Союзе упорно сводили сущность войны к вооруженной борьбе и вне ее военную борьбу по своим целям и характеру отказывались принимать за войну²⁶.

*И. Даниленко,
профессор*

Политические аспекты развития сценария евразийской интеграции в новых международных условиях приобретают все более важное значение. Прежде всего потому, что простая формула: «военная сила — инструмент политики» (которая в последние годы обсуждалась в упрощенном варианте «используемости — неиспользуемости» военной силы) оказывается значительно более сложной. Военная сила уже самим фактом своего существования является политическим инструментом. И не только политическим, но и политико-психологическим, экономическим, технологическим и иным.

Она включают в себя три направления:

Первое. Создание соответствующей атмосферы, политического климата внутри России, ориентированного на опережающий системный процесс евразийской интеграции вокруг «российского ядра» с явно выраженным приоритетом в развитии восточных регионов страны.

Это будет означать не только смену внешнеполитического вектора, сложившегося за последние десятилетия, но и изменение ментальности элиты, ее ориентации на национальную систему ценностей и национальные интересы.

Это же будет означать что российская элита может стать идеологическим лидером в Евразии (включая Евросоюз) среди тех элит и обществ, которые ориентируются на национальные ценности, а не на универсализм, мультикультурализм и т.п. Как справедливо заметил политолог Н. Миронов, «... Россия возвращает себе моральный статус Третьего Рима, оплота разумного консерватизма...»²⁷

Второе. Создание соответствующих политико-дипломатических условий в Евразии для формирования системы безопасности, альтернативной формирующимся сценариям развития ВПО — атлантическому, исламскому и китайскому.

Это будет означать повышение роли невоенных факторов политики, международных институтов и международного права, укрепления суверенитета и ослабления негативных последствий глобализации.

Третье. Формирование необходимого потенциала ВС и ОПК, а также соответствующей военной организации не только в России, но и в интересах образующейся военно-политической коалиции в Евразии в восточных регионах России и укрепления военной мощи стран-союзников.

Специфика военной организации и военного мышления, однако, такова (и не только в России, но и в других государствах), что военная сила) рассматривается лишь в ее относительно узкой, нечасто применяемой, прямой форме — как способность Вооруженных Сил одержать победу в вооруженном конфликте или войне. Соответственно, большинство военных, как правило, просто не интересуют другие формы и значение военной силы. А между тем именно эти формы, тем более новые и перспективные, нередко становятся более значимыми, чем собственно военные. Так, с точки зрения военных, развитие технологий важно потому, что позволяют создавать новые виды и системы ВВТ, в то время как для политиков, дипломатов и экономистов значительно важнее собственно технологическое состояние, конкурентоспособность, влияние технологий на экспорт, развитие экономики и другие факторы, определяющие мощь государства в мире. Таким образом военная политика современных государств отнюдь не сводится только к использованию военной силы в ее прямой форме — применения войск в вооруженных конфликтах. Она проявляется в самых различных политических и иных формах, например:

- в создании «позиции силы» для обеспечения политических, экономических и иных национальных и государственных интересов. До недавнего времени и отчасти сегодня СЯС гарантировали СССР и России такую политико-психологическую «позицию силы» при относительно минимальных затратах национальных ресурсов. Так, бывший министр обороны РФ И. Сергеев в свое время говорил, что, решая почти 100% стратегических задач обороны страны, на РВСН тратится всего 8% военных расходов»²⁸. Представляется,

что ситуация во втором десятилетии нашего века существенно изменилась: появление ВТО и систем боевого управления, вкуче с созданием ПРО, привело к частичной девальвации значения СЯС, которые без ВКО и ее интеграции с РВСН становятся неэффективными или малоэффективными (в данном случае неубедительными). Это проявляется, в частности, в том, что заявление ядерных гарантий России ее партнерам и союзникам, а также решимость ответить на неядерную агрессию с помощью ядерных сил выглядят все менее убедительными. Действительно, когда представители Правительства или Генштаба заявляют об этом, возникает вопрос: как будет действовать Россия в случае неядерной агрессии против Казахстана? Или в случае избирательно, неядерного нападения на некоторые объекты в самой России? Или в случае нарушения территориальных вод в Арктике, на Дальнем Востоке и т.п.?

Очевидно, что с политической точки зрения военная сила тогда является инструментом, когда её использование выглядит реальным и эффективным. А это означает, что такие военные инструменты политики должны соответствовать политическим и иным невоенным угрозам России и ее союзникам, быть достаточно гибкими, адекватными и эффективными.

При этом «зеркальное», «симметричное» военное строительство и военное искусство оказывается малоэффективным. Так, очевидно, что, обладая ВВП в 10 раз большим, чем российский, США могут позволить (затрачивая почти 5%) создавать более разнообразные виды и системы оружия, обладать (соответственно на порядок) более мощным военным потенциалом. России для его нейтрализации требуется не только **своя** военно-техническая и промышленная политика, но и **свое** военное искусство. В частности, бессмысленно соревноваться с США по численности и качеству авианосцев и их соединений. Если приоритеты военной доктрины России ограничены Евразией, то необходимо развивать ВМФ именно для решения этих задач;

- другая политическая форма использования военной силы — создание потенциала недопущения косвенных (явных и скрытых) угроз и давления — политического шантажа, «гуманитарного» экономического, информационного и иного давления, которые оказываются и часто используются «под прикрытием» военной силы. Здесь важно понимать, что столь популярная и эффективная «мягкая сила» зависит от ее обеспеченности и гарантий «жесткой силы» (военной силы). Более того, если нет уверенности в военно-силовой политике, то сама по себе «мягкая сила» быстро превращается в блеф. Естественно, при наличии политической воли.

И наоборот, сама по себе военная сила становится действительно эффективной в современной

войне только после активного и массированного применения «мягкой силы». Как это было перед падением на Югославию, Ирак, Афганистан, Ливию, когда с помощью «мягкой силы» удалось не только добиться внешней изоляции и поддержки, но и внести дезорганизацию в политическое, военное и административное управление, создать очаги внутреннего сопротивления и оппозиции управлению страной и вооруженными силами.

Все это позволяет говорить о том, что военная **сила стала частью силовой системы влияния и политики государства**, частью, которая де-факто тесно интегрирована и должна находиться в непосредственной координации и под одним управлением. Прежде такое бывало лишь в годы войны, когда, как, например, во Второй мировой войне, в СССР создавался Государственный Комитет Оборона (ГКО), который проводил единую военно-политическую стратегию.

Изменение соотношения экономических и политических сил в Евразии и АТР неизбежно будет определять эволюцию военных доктрин и планов военного строительства этих государств. Причем значительно быстрее, чем в остальных странах мира и, наверняка, в сторону большей амбициозности. Этот политико-экономический аспект будет, безусловно, предопределять масштабы и скорость наращивания военных потенциалов евразийских государств и стран АТР, что уже хорошо видно на темпах роста их военных бюджетов, которые значительно опережают, среднемировые, а тем более европейские. Не трудно предположить, что абсолютное лидерство США в военных расходах (более 50% мировых) сменится достаточно быстро на совокупное лидерство в расходах евразийских государств и стран АТР. Прежде всего Китая, Филиппин, Индонезии, Вьетнама.

Огромный евразийский континент и АТР в начале XXI века стремительно превращается не только в ведущий политико-экономический центр силы в мире, но и основной регион, в котором концентрируются мировые противоречия и военное противостояние, быстрее всего увеличиваются военные потенциалы и растет численность и масштабность военных конфликтов.

Формирование таких военно-политических условий в Евразии и АТР в XXI веке неизбежно подталкивает ведущие государства мира к созданию мощных стратегических потенциалов наступательных и оборонительных вооружений на континенте и в акваториях Тихого и Индийского океанов. Речь идет прежде всего о США, Китае, России, Индии. Так, военная группировка США в АТР стала наиболее крупной, а в среднесрочной перспективе превратится в самую крупную мировую группировку на одном ТВД. Еще более быстрыми темпами наращивает свою мощь Китай. Уже во втором десятилетии XXI века он добился того, что может строить больше

ежегодно военных судов, чем США. В этот процесс неизбежно втягиваются и другие евразийские государства.

На этом фоне усилия России выглядят достаточно скромными, что, естественно, сказывается на ее военной мощи. Так, по своим военным возможностям российский флот зарубежные эксперты ставят на 5–6 место среди флотов других государств АТР. Это объясняется прежде всего тем, что нынешние программы лишь отчасти компенсируют то двадцатилетнее недофинансирование, которое существовало еще со времен позднего СССР. В этих условиях принципиально важно определиться с основными направлениями военного строительства, которые будут определять военные возможности России через 20–30 и даже 40 лет. Так, например, сегодня говорят о необходимости создавать авианосные ударные группировки (АУГ), хотя с военно-политической точки зрения, а также с точки зрения экономики, кадров, организационных возможностей государства эта инициатива нереалистична.

Прежде всего с точки зрения военно-политической, а именно: АУГ — оружие нападения, демонстрации силы вдали от берегов, — которое имеет смысл как инструмент глобального влияния. С точки зрения обороны Евразии и национальных интересов России это оружие, как и ушедшие в историю броненосцы и линкоры, весьма сомнительно. Для обозначения своих интересов в Средиземном море, на Дальнем Востоке вполне достаточно ударных ракетных крейсеров.

Другая проблема — экономическая. Стоимость одной АУГ (сами авианосцы, корабли сопровождения, палубная авиация, их инфраструктура, кадры пилотов и т.п.) — а это все нужно создавать заново, фактически «с нуля»²⁹ — может значительно превысить стоимость отдельных родов войск, а их эксплуатация потребует дополнительных колоссальных средств.

Но, главное, все-таки военно-политическая целесообразность: какие угрозы помогут нейтрализовать через 20–30 лет АУГ?

В российском ОПК в последние годы предпринимаются значительные усилия (которые, наверное, можно назвать почти максимальными в условиях современной экономики и бюджета страны) для ликвидации накопленного отставания в военно-экономической области, которые нередко вызывают критику. Ставка делается прежде всего на обновление ВиВТ, то есть на поддержание в состоянии технической исправности и готовности существующие ВиВТ. Так, по мнению заместителя министра обороны РФ Ю. Борисова, «действующая ГПВ-2020 в немалой степени сосредоточена на комплектных закупках и ремонте ВВСТ — их доля составляет порядка 80% от общего объема выделяемых ассигнований. Это позволяет обеспечить максимальное поддержание в исправном состоянии существующего парка техники. По предварительным итогам реализации заданий

гособоронзаказа по закупкам, ремонту и сервисному обслуживанию ВВСТ к концу 2013 года прогнозировался рост доли исправной техники в войсках по сравнению с прошлым годом. Показатель исправности ВВСТ превысил 80%. Исправность важнейших образцов ВВСТ близка к 100%³⁰.

Иными словами, основное внимание сосредоточено на том, чтобы «привести в порядок» то, что было заброшено в предыдущие десятилетия, сделать материально-техническую базу боеготовой относительно существовавших в прошлом веке требований.

По сути дела на это же направлена и политика «обновления» образцами ВиВТ, существовавшими в 90-е годы. Ю. Борисов фактически признает это: «Госпрограмма вооружения предусматривает повышение качества оснащения Вооруженных Сил РФ в первую очередь за счет обеспеченности современными образцами вооружения, военной и специальной техники и доведет его к 2020 году до уровня 70–100%. На конец 2013 года уровень оснащенности Вооруженных Сил современными ВВСТ составил:

- в Военно-воздушных силах — 42%;
- в Военно-морском флоте — 53%;
- в Сухопутных войсках — 17%;
- в Войсках ВКО — 57%;
- в Стратегических ядерных силах — 39%³¹.

Планировалось обеспечить повышение уровня исправности имеющегося вооружения, составляющего в настоящее время от 48 до 100%.

Выполнение мероприятий ГПВ-2020 позволит довести к концу программного периода исправность ВВСТ: в Сухопутных войсках — до 85%, в Воздушно-десантных войсках — до 100%, в Военно-воздушных силах — не менее 80%, а в Военно-морском флоте — до 60% исправных боевых кораблей³². Другими словами, ГПВ-2020 предполагает, во-первых, «привести в порядок» нынешний парк ВиВТ, сложившийся в 70-е и 80-е годы при СССР, а, во-вторых, «разбавить» его некоторой частью ВиВТ, созданных в 80-е и отчасти в 90-е годы.

По существу эти скромные задачи соответствуют нынешним экономическим и технологическим возможностям России. Вопрос, однако, заключается в том, насколько военный потенциал России, созданный к 2020 году, будет соответствовать тем политическим и экономическим радикальным сдвигам и изменениям в области науки и техники?

Для того чтобы это произошло, необходимо было уже давно перераспределить средства, выделяемые на оборону в пользу военных и гражданских НИОКР, имеющих целью создание принципиально новых видов и систем оружия. Уже не «образца 1990 года», а «образца 2020–2030 годов». Причем, простого увеличения средств в этих целях очевидно недостаточно. Необходимо радикально пересмотреть политику в области НЧК российского ОПК, создания

оригинальных отечественных технологий, а также предусмотреть программы переподготовки кадров ВС России.

Очевидно, что эти абстрактные военно-политические пожелания должны конкретизироваться на важнейших научно-технических направлениях, которые являются приоритетами. Уже сегодня в военно-стратегической области можно выделить четыре лидирующие тенденции, которые характерны для многих государств. Именно эти три направления будут доминировать в ближайшие десятилетия в военно-технологической политике и планах военного строительства;

- создание потенциала стратегических неядерных наступательных систем ВТО, прежде всего, ВТО-КР, гиперзвуковых ЛА, беспилотников (в т.ч. ударных) и т.д. Пока что очевидно, что уже в ближнесрочной перспективе этот потенциал становится реальной угрозой, а в среднесрочной (7–10 лет) может привести к девальвации ядерного оружия как средства сдерживания. Более того, уже сегодня ВТО стало основным средством военного нападения в войнах и конфликтах;
- модернизация и создание потенциалов СЯС у КНР, Индии, а также распространение ядерного оружия в таких странах, как КНДР, Пакистан, Иран, возможно, других странах. Так, Иран осуществил дважды в 2013 году запуск космического аппарата, Китай — десантировал луноход, КНДР — испытывает ракеты большой дальности и т.д.;
- создание потенциалов стратегических оборонительных вооружений, прототипы которых уже испытываются не только в США и Китае, но и других странах. Так, только в январе 2013 года США и Китай провели очередные испытания ракет-перехватчиков, предназначенных для уничтожения баллистических ракет на средних участках полета³³;
- наконец, главное, — создание единого информационно-управленческого потенциала, объединяющего не только все виды и рода войск, но и ключевые системы ВиВТ в интегрированный комплекс. Этот интеграционный процесс ВиВТ, а также видов и родов войск был начат еще с конца 80-х годов XX века в США, когда были приняты специальные программы приоритетного развития систем боевого управления, связи и разведки параллельно с приоритетами в развитии ВТО³⁴. В XXI веке эта тенденция окончательно оформилась и привела к созданию интегрированного стратегического потенциала ВТО. Как признал Президент РФ В. Путин в декабре 2013 года, «Современное высокоточное оружие интегрирует в себе и системы разведки, и системы управления, и системы доставки и поражения, — все это вместе делает его

в высшей степени эффективным. По сути имея в виду высокую точность и современную мощь, это высокоточное оружие сегодня становится альтернативой ядерному оружию. По своей эффективности, по ряду параметров оно ему просто не уступает»³⁵.

С военно-политической точки зрения становится особенно важно максимально адекватно:

- прогнозировать характер возможных угроз на долгосрочную перспективу, ибо научная и технологическая подготовка, промышленное производство, испытания и модернизация становятся очень **дорогим и долгосрочным процессом**. В отличие от предыдущих периодов военно-технического соперничества, очевидна закономерность: сроки смены поколений ВиВТ удлиняются с нескольких лет до десятков лет, а стоимость их разработки и создания вырастает в десятки и даже сотни раз. Неадекватно оцененная внешняя угроза становится **неисправимой ошибкой**;
- оценивать перспективы развития науки, техники и технологий. Причем не только военных, но и гражданских. Сегодня можно выделить некоторые особенности, но принципиально важно тщательно мониторить и исследовать тенденции развития науки и технологий, что потребует совершенно иных, чем сегодня затрат на НИОКР и технологические прорывы. Развитие военных технологий, ВиВТ в XXI веке отличается от предыдущих периодов следующими принципиальными особенностями, которые требуют неотложного принятия политического решения на высшем уровне. Только МО или Генштаб в принципе не способны повлиять в необходимом масштабе на государственную научно-техническую политику:
 - а). Фактически идет соревнование и соперничество между ведущими странами в качестве ВиВТ, а не их количестве, когда боевая эффективность более совершенных систем оружия и управления на порядки превосходит количественные сопоставления. Так, потери вооруженных сил США и Ирака (по некоторым оценкам, 300 : 1) зависели не от количества танков и бронетехники (их соотношение было примерно одинаково), а от качества бронетехники, систем управления войсками, разведки и качества подготовки военнослужащих. Таким образом, соревнование перенесено из области соревнования в численности ВС в область качества, во-первых, ВиВТ, во-вторых, личного состава, и, в-третьих, в область технологий.
 - б). Уровень развития военных технологий во многом предопределен уровнем развития фундаментальной и прикладной науки, образования и гражданских технологий. То есть сегодня невозможно развивать ОПК в отрыве от всей

научной, образовательной политики и обрабатывающей промышленности. Соревнование в военно-технической области предопределяется соревнованием в качестве национального человеческого капитала (НЧК), прежде всего таких его областей, как

- фундаментальные науки;
- качество образования;
- уровень технологического развития.

Для того чтобы были приняты своевременные и адекватные решения необходимо изменить государственную политику в сторону опережающих темпов развития науки, образования и повышения уровня технологической культуры.

- в). Критическое значение приобретают технологии 6-го технологического уклада и смежных отраслей — биоинформатики, ... нанотехнологий и т. д. По сути это означает, что экономике предстоит не только догонять развитие страны, где отставание в 5-м технологическом укладе должно быть ликвидировано в краткосрочной перспективе, но уже сегодня создавать заделы для 6-го технологического уклада. Это означает, что нам предстоит совершить скачок в качестве развития, фактически минувя 5-й уклад³⁶.
- г). Повышается роль военно-политического прогноза и «социального» политического заказа на качество будущих ВиВТ, которые должны формулироваться не только на основе достигнутых результатов науки и технологий, а на основе анализа будущих политических и военных потребностей государства. «ТЗ» для будущих ВиВТ должен формулироваться военно-политическим руководством страны, исходя из ее политических потребностей, а не существующих возможностей и предпочтений отдельных отраслей ОПК, видов и родов ВС, управлений МО РФ.
- д). Известная зависимость изменения форм и методов вооруженной борьбы от возможностей (настоящих и будущих) ВиВТ конкретизируется сегодня (по справедливому мнению замминистра обороны Ю. Борисова) следующим образом: «Под воздействием научно-технического прогресса формы и методы вооруженной борьбы изменяются. И это предопределяет оснащение армии инновационными образцами вооружения и техники, обеспечивающими:
 - функционирование в рамках единого информационно-управляющего пространства;
 - применение высокоточного гиперзвукового оружия, а также оружия на новых физических принципах;
 - применение беспилотных ударных авиационных комплексов, робототехники;

- применение унифицированных мобильных сухопутных боевых платформ и др.

При этом разработка **концепций развития ВВСТ**, создание научно-технического задела по перспективной технике, в том числе по разработке базовых и критических военных технологий должны быть в числе основных приоритетов»³⁷.

Вместе с тем подобный «технологический детерминизм» ведет к недооценке возможных будущих военно-политических угроз, значения приоритетов внешней и внутренней политики и национальных интересов: средства достижения целей (в данном случае

ВиВТ) ставятся в порядке приоритетов выше самих политических и военных целей, а также возможных угроз. По сути повторяется ошибка руководителей ВПК СССР, когда «на всякий случай» развиваются все направления военного строительства, включая те, которые могут и не быть востребованы политикой (например, сверхдорогостоящие программы авианесущих кораблей).

Перечисленные выше четыре направления будут основными в военно-политическом соперничестве за контроль над Евразией, важность которой во многом предопределяет развитие мировых процессов в XXI веке и характер будущих угроз России.

Евразийская военно-политическая интеграция — неизбежный политический выбор сценария развития ВПО для России

Истинный защитник России — это история; ею в течение трех столетий неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которым подвергает она свою таинственную судьбу»³⁸.

Ф. Тютчев

... достаточно сигналов, трубящих об одном и том же: Россия не может рассматривать свою территориальную целостность как нечто само собой разумеющееся»³⁹.

В. Василец

В условиях резкого роста военного противостояния в Евразии, обострения территориальных конфликтов и стремительного роста военных потенциалов практически всех государств Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, Ближнего и Среднего Востока, а также усиливающейся нестабильности в Центральной Азии России предстоит не только скорректировать свою внешнюю политику, но и фактически разработать новую военную доктрину в отношении своих союзников и партнеров в Евразии, т. е. **сделать политический выбор**. Это будет во многом выбор между европейским вектором развития, «многовекторной неопределенностью» и сохранением того самобытного и уникального исторического опыта, который, по словам В. Ключевского, предопределял социальную историю нашей страны.

В современных условиях такой политический выбор будет означать выбор в пользу создания военно-политической коалиции евразийских государств, которая будет более широкой, чем просто круг стран-участниц ОДКБ или ТС. Но этот выбор будет прежде всего и политико-идеологическим выбором, за которым последует переоценка системы ценностей, национальных интересов и перераспределение всех национальных ресурсов.

Сегодня в российской элите наметился очевидный раскол по этому вопросу. Прежде всего потому, что «европейский выбор», понимаемый как «вхождение в Европу», по большому счету неизбежно наносит ущерб национальной самоидентификации, безопасно-

сти и суверенитету страны. Но и в азиатскую державу Россия не превратится — она останется в любом случае европейской страной со своей глубокой спецификой, которая будет противостоять «универсальным» либерально-протестанским ценностям. При том понимании, что, являясь многие столетия частью Европы, Россия в последние десятилетия уже политически стала частью «Большой Европы», взяв на себя в том числе обязательства, фактически уже ограничивающие ее суверенитет. Как справедливо заметил Б. Межуев, «... строго говоря, Россия не является суверенным в полном смысле государством как минимум с 28 февраля 1996 года, когда она стала членом Совета Европы, и особенно с 30 марта 1998 года, когда она ратифицировала соответствующую конвенцию»⁴⁰.

В 2012–2013 годах эта проблема стала дискуссионной и в связи с тем, что встал вопрос о том, чьи законы и обязательства являются приоритетными — международные или национальные. Возникла очевидная коллизия, когда международное право и российская Конституция (отдающая ему приоритет) вступали иногда в противоречие с национальными интересами и национальным правом. В. Путин был даже вынужден прокомментировать осенью 2013 года эту ситуацию, найдя элегантный выход, когда Россия будет участвовать в реализации тех международных норм, которые не противоречат национальному законодательству.

Очевидно, что исторические, экономические, политические и правовые связи с Европой необходимо

не просто сохранить, но и развивать уже в евразийском контексте...

У России, очевидно, другая роль: стать евразийским интегратором, продуцирующим в мире и в Евразии свою систему ценностей не только в культуре, духовности и экономике, но и в области международной безопасности. Для этого ей придется в еще большей степени, чем в последние годы, акцентировать свою внешнюю и военную политику на южном и восточном направлениях. Тем более что регионы «к востоку от Урала» становятся ее важнейшим политическим интересом.

Сегодня неизбежно должно произойти то же самое, что и в прежней истории России: она должна продвинуться на восток не только демографически и экономически, но и военно-политически. Она должна вернуть себе место и влияние в Евразии, без которых она превратится в Московское государство времен Ивана III.

Для этого нужна прежде всего смена политических приоритетов. Важнейшая часть этой новой доктрины в Евразии неизбежно будет относиться к обеспечению территориальной целостности, безопасности страны и ее союзников посредством создания и развертывания глобальной системы ВКО.

Евразийский выбор будет означать, кроме того, изменение характера отношений, приоритетов и средств влияния в отношении вероятных союзников и партнеров. Причем не только в ОДКБ и СНГ, но и по отношению к другим государствам Евразии и АТР.

Рассчитывать на то, что территориальную целостность, суверенитет и безопасность в Евразии удастся сохранить с помощью только международного права и международных институтов — наивность. Так же, как было наивно полагаться М. Горбачеву на «общечеловеческие ценности». Известно немало заявлений относительно того, что Россия не может «распоряжаться богатствами, скрытыми в недрах Сибири» или «бесконечно править такими огромными просторами с такими запасами полезных ис-

копаемых» (М. Олбрайт, М. Тэтчер, З. Бжезинский)⁴¹, которые прямо противоречат международным нормам. Как, впрочем, и откровенные попытки использовать силовое давление и «мягкую силу» против России. «Исправить» эту несправедливость можно, по мнению ряда политиков, только пересмотрев государственные границы Российской Федерации, что отнюдь не выглядит в глазах западных политиков невозможным.

В этих целях может быть реализовано множество сценариев, наиболее безопасный и «политкорректный» из которых — вынудить Россию под угрозой использования военной силы самой отказаться от контроля над транспортными коридорами, ресурсами, а затем и территориальной целостности. Сегодня такие расчеты действительно существуют. Более того, история показывает, что подобное развитие событий чаще бывает правилом, чем исключением. И не только в древней, но и новейшей истории, где последними примерами стали СССР и Югославия.

Приходится констатировать, что пока в России существует определенная недооценка этого вызова, который уже в среднесрочной перспективе может превратиться в прямую угрозу безопасности страны. Эта угроза воспринимается как нереальная, абстрактная, очередная конспирологическая версия. И прежде всего потому, что правящая элита страны до последнего времени не задумывалась ни о стратегическом прогнозе, ни о последствиях проводимой ею политики. Сигналом к переоценке стало «евразийское» выступление В. Путина осенью 2011 года и последующие шаги по ускорению экономической интеграции.

Принятие Плана обороны России в январе 2013 года, а до этого создание командования Воздушно-космической обороны (ВКО) в декабре 2011 года и информация осени 2012 года о том, что новому руководству МО России «предстоит в течение полутора месяцев создать новую систему анализа и стратегического планирования в области противодействия угрозам национальной безопасности на период от

30 до 50 лет в интересах формирования госпрограмм вооружений»⁴², приводит к мысли, что руководство страны проявило пусть запоздалую, но обеспокоенность развитием этих негативных тенденций на долгосрочную перспективу.

На эту же мысль наводят и решения, принятые на заседании глав государств СНГ 4–5 декабря 2012 г. в Ашхабаде (Туркменистан), где говорилось о развитии объединенной системы противовоздушной обороны государств-участников СНГ (ОС ПВО СНГ). В СМИ также активно обсуждаются перспективы создания на постсоветском пространстве так называемой объединенной Евразийской ПВО и даже единой ПРО. И не только на постсоветском пространстве, но и в сотрудничестве с другими евразийскими государствами. В этом могут быть заинтересованы, кстати, и другие государства, включая страны Западной и Центральной Европы.

Вместе с тем, история создания Объединенной системы противовоздушной обороны на постсоветском пространстве уходит в начало далеких 90-х годов. И ее нельзя назвать оптимистичной. Скорее даже наоборот. Нельзя игнорировать и те процессы, которые идут в евразийских государствах вразрез с интеграцией. Очевидно противоречие: основой и главным условием успешной интеграции в Евразии должно быть тесное военно-политическое и военно-техническое сотрудничество, которое идет вразрез с планами части национальных элит. Так, демарш Казахстана по поводу договора о космодроме «Байконур», срок аренды которого истекает только в 2050 году, ряд обозревателей прямо связывают со стремлением затормозить или даже избежать политической интеграции⁴³.

Но Казахстан и Белоруссия — ключевые звенья в евразийской военно-политической интеграции. Если допустить, что в результате внешнего и инспирированного извне внутреннего воздействия, эти государства станут подконтрольны другим странам, то положение России не просто ухудшится. Оно станет критическим. Коммуникации с Европой будут нарушены, а военно-политическая обстановка резко (радикально) ухудшена.

Еще хуже, если из процесса интеграции выпадет Казахстан. Россия не только перестанет фактически влиять на ситуацию в ЦА, но окажется в реальности разделенной на европейскую часть и регионы к востоку от Урала. Причем, если допустить враждебное использование территории Казахстана, под непосредственной угрозой окажутся Поволжье, Южный Урал и Западная Сибирь — регионы, где в советское время создан индустриальный и оборонный потенциал страны.

Фактически окажется похороненной и идея «транспортных коридоров» не только с севера на юг, но и с востока на запад, а, кроме того, Россия может лишиться регионов, где сосредоточены ее основные ресурсы.

Новая архитектура международной безопасности сегодня еще только в процессе обсуждения. Одной из ее главных задач является недопущение гонки вооружений в космическом пространстве, распространение оружия массового поражения и стратегических неядерных вооружений. В полной мере такая оценка применима к Евразии, которая стала эпицентром военных конфликтов, но в еще большей степени может им стать в будущем.

Пока что прогресс на этом направлении развивается медленно. Если говорить о региональной безопасности на постсоветском пространстве, то возникают вопросы соотношения между уже формально существующей ПВО–ПРО в рамках ОДКБ и решением о создании новой ОС ПВО СНГ. Ведь, как известно, в рамках ОДКБ уже давно создаются объединенные военные системы. Возможно, конечно, что на их основе будет строиться и новая, объединенная система ПВО СНГ, однако ясности — политической и концептуальной — пока нет.

Важно отметить, что на заседании Ашхабадского саммита нашло поддержку предложение России о том, чтобы в систему были интегрированы российские части и подразделения созданных в 2011 году войск Воздушно-космической обороны (ВВКО)⁴⁴. Это можно назвать первым шагом в направлении создания ЕвразВКО. На очереди — как интеграция в объединенную, а затем и единую ВКО постсоветских государств, так и привлечение других стран. В том числе через ВТС, достижение соглашений о взаимной обороне континента на пространстве от Ирландии до Владивостока и от Норвегии до Индии.

Пока что влияние этих новых вызовов находит свое понимание только в высшем политическом руководстве и военно-политических кругах некоторых стран, которые трезво оценивают новую ситуацию. Создание единой системы ПВО России, Беларуси и Казахстана — явно выраженная обеспокоенность руководства страны созданием системы ПРО по периметру границ России. Эти шаги могут быть расценены только как самая первая ответная реакция нашего государства. За ней неизбежно должны последовать соответствующие военно-технические действия. В противном случае эта обеспокоенность останется политическим и дипломатическим демаршем.

Не секрет, что создание новых и модернизация существующих систем ПВО–ПРО требует не только огромных материальных, но и временных ресурсов. Как показывает практика, как минимум, нескольких лет (или даже десятков лет) и сотен миллиардов рублей. Ресурс времени и материальный ресурс в этом контексте становятся решающими, ведь от решения, какие страны будут объединены в единую ВКО, зависит не только скорость создания, но и производства всех элементов системы. Пока что такие возможности ограничены. Так, по оценке экспертов, к 2014 году в России будут построены два крупных завода по

производству ЗРК С-400 «Триумф» и С-500 «Прометей», способных уничтожать боевые блоки баллистических ракет. Оба эти завода будут принадлежать ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»⁴⁵. Сегодня их строительство идет полным ходом, но производство новых систем зависит не только от Концерна, но и от сотен смежников, и от финансирования, и от кадров, и многих других причин.

Но, в конечном счете, главным является политическое решение и воля, определяющие состав участников ВКО, формы участия, уровень сотрудничества, т.е. решений, от которых зависят и масштабы финансирования.

Ориентировочно, из программы ГОЗ-2020 на цели ВКО выделяется около 10%, что составляет порядка 2,0–2,5 трлн руб. (или около 80 млрд долл.) на 10 лет, т.е. 7–8 млрд долл. в год. Учитывая, что все российские военные расходы составляют примерно десятую часть военного бюджета США (700 млрд долл.), это означает, что Россия потратит на ВКО в ближайшее десятилетие практически 10% своих средств, выделяемых на оборону.

Много это или мало? Конечно, любые средства, отпущенные на оборону, — это деньги, оторванные в конечном счете от социально-экономических про-

грамм. И в последние годы развернулась широкая дискуссия в экспертном и даже политическом истеблишменте, целью которой нередко является свертывание оборонных расходов. Дискуссия, которая привела к расколу элиты и даже крупным отставкам. Дискуссия, которая отнюдь не закончилась, но которая, в случае очередной победы либерал-демократов (для которых, собственно и стараются некоторые эксперты) приведет не просто к сворачиванию оборонных программ, но и окончательному развалу ОПК. На самом острие этой дискуссии находится тема создания ВКО и реакция на действия США в области ПРО, СЯС и стратегических неядерных вооружений. Целью такой дискуссии, как правило, становится убеждение политической элиты в том, что создание российской (а, тем более, — евразийской) ВКО — бессмысленная трата ресурсов.

С самого начала следует оговориться, что никакие оборонные «сверхрасходы» России не ожидают. Сегодня ее расходы на оборону менее 3% от мировых, в то время как для США — более 40%, а их союзников — еще столько же. В реальных цифрах это выглядит следующим образом — см. таблицу.

Как видно, российские расходы **на национальную оборону** в первом десятилетии нынешнего века

ВВП, общие доходы и расходы госбюджета и расходы на обеспечение национальной обороны и национальной безопасности России

	1990 факт	2000 факт	2008 факт	2010 факт	2012 прогноз	2013 прогноз	2014 прогноз
ВВП (млрд руб.)		7306	41 668	44 939	58 683,0	64 803,0	72 493,0
Доходы госбюджета (млрд руб.)	159,5	1132,1	9275	8303,8	?	?	?
Доля в ВВП (%)		15,49	22,26	18,48	20,07	19,60	19,44
Расходы госбюджета (млрд руб.)	151,0	1029,2	7570,9	10117,4	?	?	?
Доля в ВВП (%)		14,08	18,16	22,5	21,41	21,19	20,12
Общегосударственные расходы (млрд руб.)		25,0	839,4	887,8	?	?	?
Доля в ВВП/в расх. ГБ%		2,43	2,0/11,1	1,97/8,7	1,27/5,92	1,15/5,42	1,0/4,97
Национальная оборона (млрд руб.)		191,7	1040,9	1276,5	?	?	?
Доля в ВВП/в расх. ГБ%		2,63/18,63	2,5/13,74	2,84/12,6	1,61/7,51	1,51/7,12	1,36/6,74
Национальная безопасность (млрд руб.)		105,4	835,5	1085,4	?	?	?
Доля в ВВП/в расх. ГБ%		1,44/10,24	2,0/11,1	2,41/10,7	2,32/10,9	2,40/11,32	2,25/11,17
Национальная экономика (млрд руб.)			1025,0	1222,7	?	?	?
Доля в ВВП/в расх. ГБ%			2,5/13,54	2,72/12,1	2,9/13,9	2,56/12,07	2,17/10,81

не поднимались выше 2,84% в ВВП и 18,63% в расходах госбюджета и имели тенденцию к уменьшению, а расходы на национальную безопасность соответственно — 2,41 и 11,1%. В эти годы военные расходы США увеличились на 100% — с 350 до 700 млрд долл. Только в 2013 году намечено некоторое сокращение военных расходов, которое на фоне их десятилетнего роста выглядит вполне символическим. Показатели первых лет нового десятилетия таким образом отнюдь не свидетельствуют об их росте⁴⁶, о чем так много говорят последние два года. При этом следует учитывать, что многие годы в России происходило катастрофическое недофинансирование ОПК. Как, впрочем, и сегодня.

Станным образом Россию упрекают, что ее военные расходы превысили расходы Великобритании и Франции (71,9 млрд долл. и 62,7 и 62,5 млрд долл. соответственно), хотя известно, что изношенность основных фондов ОПК превышает 70%, а доля новых ВВТ (по разным оценкам) колеблется от 10% до 15%. Хроническое недофинансирование последних десятилетий выражается в том числе и в этом. Для того чтобы его компенсировать (чего не нужно делать ни США с их 700-миллиардными расходами, ни Великобритании и Франции, где расходы даже в период кризиса были стабильными) потребуется, как минимум, не менее 10 лет устойчивого роста расходов.

Более того, в последние два–три года обозначилась тенденция, когда развитие ОПК рассматривается в качестве инструмента модернизации обрабатывающих отраслей промышленности, что не осталось незамеченным⁴⁷. Это, безусловно, оправданно по нескольким причинам.

Во-первых, другие инструменты, прежде всего рыночно-финансовые, доказали свою неэффективность. Модернизация, как и «Стратегия социально-экономического развития России до 2020 года», по сути, провалились. Предложенные новые идеи, в том числе «Стратегия инновационного развития до 2020 года», — вполне аргументирована, но, судя по всему, также не будут работать. Главная причина — мы научились формулировать идеи и цели, но не научились их реализовывать. Прежде всего из-за отсутствия механизмов и людей. Но в ОПК и первое, и второе есть.

Во-вторых, ОПК имеет ряд преимуществ по сравнению с другими отраслями, а именно:

- там сосредоточено более половины уцелевших российских ученых, конструкторов и технологов;
- наиболее высокий уровень НЧК;
- сохраняется возможность государственного контроля и нерыночных механизмов управления;
- наиболее технологичные и наукоемкие отрасли, особенно в ВКО, которые обладают международной конкурентоспособностью.

Что такое недофинансирование ОПК? Это может быть вынужденной мерой, следствием крайней ограниченности ресурсов. Но это может быть и способом,

используемым коррупционерами для обогащения под видом обслуживания оборонных расходов. В такой ситуации военным финансистам приходится брать кредиты у частных банков по баснословным процентам. Расплачивается за них государство, обогащая олигархов и коррумпированных чиновников. То, как приходилось бороться с финансовыми махинациями на ниве недофинансирования оборонных расходов в 90-е годы прошлого века, убедительно показано в монографии бывшего начальника Главного ФЭУ МО генерал-полковника В. Воробьева (Воробьев В.В. «Финансово-экономическое обеспечение оборонной безопасности России: проблемы и пути решения». Санкт-Петербург, 2003).

Профессор А. Пожаров в своем труде делает справедливый вывод: «Почти целое десятилетие существования ОПК в условиях недофинансирования и дробления в интересах приватизации его предприятий, утраты многого из того, что необходимо для обеспечения его адекватности угрозам и надежной конкурентоспособности, обусловили также и провал первых трех государственных программ вооружения в истекшем десятилетии. Это заставляет переосмыслить отношение к финансово-экономическим технологиям, понять их огромную как разрушительную, так и созидательную силу и умело использовать ее для созидания»⁴⁸.

Но оборонные расходы — это не зря потраченные деньги, ведь те же социально-экономические программы зависят во многом от способности страны обеспечить свой суверенитет и благоприятные условия развития страны. В том числе и защитить свои рынки, и своих граждан, и свою территорию, и свои ресурсы, и интересы своей промышленности и торговли.

Более того, производство новейших образцов ВВТ, в частности, комплексов С-400, может быть ориентировано на экспорт. Сегодня уже ряд стран хотели бы приобрести С-400, а экспортные поставки, как известно, существенно компенсируют затраты на НИОКР и производство современных ВВТ. Более того, такие поставки могут давать существенную политическую и экономическую выгоду.

Но главное все-таки в другом, а именно: защитить Россию и ее суверенитет эффективнее всего на дальних подступах, вместе с союзниками, чья роль в мире будет неизбежно расти (что, кстати, хорошо понимают в США). Есть и военно-политические соображения: одной из важнейших характеристик эффективности ВКО является дальность обнаружения и поражения, а это означает, что чем дальше средства обнаружения и ЗРК будут размещены от центральных районов и позиционных районов, тем выше будет их эффективность.

Замедленная политическая реакция, тем более неудачи в области развития объединенной ВКО, уже не могут быть полностью компенсированы последующими действиями. Тем более, когда речь идет о та-

ком сложном и долгом процессе, как международные договоренности, которые требуют, как показывает практика, многих лет или даже десятилетий. Поэтому важно, чтобы уже сегодня самые разные слои политической, экономической и интеллектуальной российской элиты страны определились и выработали четкую долгосрочную стратегию развития евразийского потенциала ВКО, рассчитанную на несколько будущих десятилетий.

Эта стратегия должна опираться на долгосрочный прогноз и стратегическое планирование, в минимальной степени зависящее от отдельных руководителей страны, Минобороны, Генштаба или Совбеза. Эта стратегия должна стать политической установкой для Правительства (Минфина, МИДа и др. министерств), всего ОПК, который не может эффективно развиваться в условиях краткосрочной перспективы. Нужна, таким образом, долгосрочная программа развития, ориентированная на адекватную оценку не только современных, но и будущих угроз и реалий в мире, соотношения сил, а также потребностей и возможностей страны.

У политики есть своя история, без которой не может быть будущего. Это утверждение также верно и для военной политики. Многие современные ВВТ задумывались, создавались и производились десятилетия назад и еще какое-то время будут находиться на службе. Если говорить о СЯС и системах ВКО, то все они имеют свои школы и свою историю. Но надо понимать, что будущее системы ВКО должно опираться не только на историю их развития и сохраняющиеся школы, научно-технический и производственный потенциал, но и создаваться под новые задачи и угрозы, формируемые в новых исторических и материальных условиях.

Прежде всего, в условиях нового этапа военно-технической революции, особенности которого определяются «фазовым переходом» человечества, когда в том числе результаты НТР не могут четко прогнозироваться. Как заметил эксперт ЦВПИ МГИМО(У) В. Каберник, «...разработка новых доктрин, подразумевающих максимальную эксплуатацию технологического превосходства, столкнулась с рядом сложностей. Фактически, обозначенная трансформация как первый шаг в „революции в военном деле“ находится сегодня на начальном этапе. В то же время, исследования форм конфликтов будущего привели к осознанию принципиальных изменений в части расширения пространства конфликта, необходимости расширения операций в новые сферы. В этом свете отмечается необходимость „трансформации второго порядка“ — внесение изменений в доктрины, учитывающих возможности противостояния агрессии в комплексном измерении.

Таким образом, декларированная „революция в военном деле“, едва начавшись, выявила новый спектр проблем, которые, в свою очередь, также

требуют революционных изменений в рассмотрении возможных конфликтов будущего и способов противостояния комплексным агрессиям (в том числе неуправляемым). Этой „второй революции“ только еще предстоит состояться»⁴⁹.

Довольно часто в последние десятилетия можно услышать от ведущих экспертов мысль о том, что «России-де никто не угрожает». Это прямое свидетельство идеологической борьбы, развернувшейся в российской элите, которую С. Караганов в беседе с корреспондентом «The New York Times» охарактеризовал весьма примечательным образом: «...сложность в построении патриотической идеологии (В. Путина) заключается в том, что моменты национального единства в российской истории всегда были связаны с противостоянием агрессору, а сейчас у России... попросту нет врагов...»⁵⁰.

Сразу же возражу своему давнему коллеге. Если у страны сегодня нет врагов, то это отнюдь не означает, что их не будет в будущем. И не через сто лет, а через несколько. В. Ключевский, говоря о законе, который можно было бы назвать «сменой национальной доминанты», приводил пример с Германией, которая в XVIII веке была «философской» страной, а в XIX веке превратилась в «угрозу воинственным галлам».

Можно привести и более близкие примеры, когда, например, воевавшая с фашисткой Германией Великобритания была готова направить экспедиционный корпус против СССР во время войны с Финляндией и т.д. Важно одно: политические намерения, «дружба» лидеров и «гуманистические ценности» меняются быстро, а военные потенциалы и вооруженные силы десятилетиями.

Наконец, можно спросить у С. Караганова: Если у России нет врагов, то, рассуждая логически, зачем вообще нужна Армия и Флот? Может, оставить просто полицейские формирования? Но тогда зачем нужна система ПРО США, Польше?⁵¹ Или Турции? Кто сегодня, используя выражение наших либералов, «собирается на них нападать»? А зачем вообще нужен Североатлантический блок? Почему за последние 10 лет расходы США на оборону выросли в два раза, достигнув почти 700 млрд долл.? И т. д., и т. п.

Пока что, как и в 80-е годы XX века, в российском обществе существуют самые разные оценки и подходы. От полного игнорирования угрозы, либо сведения ее только к одному сегменту — ЕвроПРО — до «призывов включения» ОПК (точнее, того, что от него осталось) на «полную катушку», которое неизбежно приведет к милитаризации экономики и негативно скажется на социально-экономическом развитии страны. В этой связи крайне важно найти ту «золотую середину», которая позволила бы как обеспечить надежную национальную безопасность России, так и не привести к излишней растрате ее ресурсов. Такая «середина» может быть найдена в логичной, научно-обоснованной военной политике и стратегии

развития Вооруженных Сил страны, которая должна основываться на долгосрочном военно-политическом прогнозе и соответствующем стратегическом планировании.

При этом необходимо исходить из того безусловного факта, что новая геополитическая ситуация в Евразии неизбежно будет влиять на политику России в области ВКО. С политической точки зрения. Но также верно, что тенденции в развитии современных вооружений, прежде всего воздушно-

космических, могут стать и мощным стимулом для евразийской интеграции. Безопасность едина, а интеграция — наиболее эффективный политический инструмент, способный обеспечить такую безопасность. И не только военно-политическую, но и научно-техническую, экономическую, образовательную и информационную. Может быть, нам стоит наконец последовать примеру Евросоюза, для которого военная интеграция стала реальным локомотивом интеграционного процесса?

¹ Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / под ред. Т. А. Шапленой, А. А. Байкова. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 13.

² **Мегатренды** — крупномасштабные, долгосрочные процессы мирового развития, определяющие характер МО и ВПО.

³ *Шапленой Т. А.* Становление нового мирового порядка в 2010-х годах / В кн.: Мегатренды: основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / Под ред. Т. А. Шапленой, А. А. Байкова. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 69.

⁴ MG Karen E. Dyson, Director, Army Budget. Army FY 2014 Budget Overview. April. 2013. P. 3.

⁵ Там же.

⁶ Украина и современные армии Европы: амбиции и угрозы / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2013. 4 февраля / URL: <http://topwar.ru>

⁷ Там же.

⁸ *Медведев С.* НАТО сигнализирует о готовности // Красная звезда. 2013. 7 ноября. С. 3.

⁹ *Мухин В.* Каждый шестой контрактник уволился из армии в минувшем году // Независимая газета. 2013. 8 ноября. С. 4.

¹⁰ *Жильцов С. С.* Киев и Кишинев ограничили «Восточным партнерством» // Независимая газета. 2013. 7 ноября. С. 3.

¹¹ *Торкунов А. В.* Россия в изменяющейся геометрии современного мира / В сб. Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации. М. 2007. Вып. 4. С. 35.

¹² *Путин В. В.* Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. 12 декабря / URL: <http://президент.рф>

¹³ *Матвеев О. В.* Противоракетная оборона как фактор российско-американских взаимоотношений. М.: Военный университет, 2011. С. 156.

¹⁴ 30 января 2013 г. ВПК при Правительстве России постановила, что госпрограмма вооружений до 2025 года будет базироваться на прогнозе угроз национальной безопасности на тридцатилетний период. См.: ВПК определила правила подготовки гос-программы вооружений до 2025 года / ЦАМТ. 2013. 30 января / URL: <http://armstrade.ru>

¹⁵ Цит. по: *Энгдаль У. Ф.* Путин своевременно готовится к худшему / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2013. 4 декабря / URL: <http://eurasian-defence.ru/node/27610>

¹⁶ Ракеты «Агни-5», впервые испытанные в 2012-м году, относятся к классу МБР и способны поражать цели на территории всего АТР, включая большую часть России. В 2013 г. успешно испытана модификация «Агни-3 SL», являющаяся БРПЛ, что теоретически позволяет рассматривать ее как оружие глобальной досягаемости.

¹⁷ *Воробьев А.* Евразийский передел: Китай // Военное обозрение. 2013. 11 января / URL: <http://topwar.ru>

¹⁸ Россия и Казахстан подписали соглашение о создании единой системы ПВО / Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2013. 30 января / URL: <http://eurasian-defence.ru>

¹⁹ *Затуливетер Ю. С., Семенов С. С.* Ориентир — достаточная оборона // Национальная оборона. 2012. № 11 (80). С. 30.

²⁰ *Сурков Н.* Обама спешит свернуть войну в Афганистане // Независимая газета. 2013. 14 января. С. 8.

²¹ *Obama B.* The National Security Strategy 2010. Wash., GPO, May, 2010. P. 3.

²² Discourse of Power / Post — war Watch. 2012. June 23 / URL: www.postwarwatch.com/2012/06/23

²³ *Земсков В. Н.* Стратегия США в Центральной Азии / Аналитическая записка ИМИ МГИМО(У), 2013. Январь. С. 2.

²⁴ Там же.

²⁵ *Торкунов А. В.* Новые вызовы и новые приоритеты // Международная жизнь. 2004. № 6. С. 52.

²⁶ *Даниленко И.* Стратегия в трудах военных классиков. М.: Финансовый контроль, 2003. С. 16.

²⁷ *Вежин С.* Ценности имеют значение // Независимая газета. 2014. 12 февраля. С. 2.

²⁸ Цит. по: Путин включает ручное управление обороной // Независимая газета. 2013. 2 декабря. С. 5.

²⁹ *Калинин В.* С мечтой об авианосцах трудно расставаться / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 15 декабря / URL: <http://topwar.ru/>

³⁰ Революция в гособоронзаказе / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 30 ноября / URL: <http://topwar.ru/>

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Китайские военные успешно испытали противоракету / Эл. ресурс «Взгляд». 2013. 28 января / URL: <http://www.vz.ru/news/>

- ³⁴ См. *Подберезкин А. И.* Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. «Значение систем боевого управления, связи и разведки в военной доктрине США». М.: ДА, 1989.
- ³⁵ *Латухина К.* Оборона на перспективу // Российская газета. 2013. 2 декабря. С. 2.
- ³⁶ См. *Подберезкин А. И.*: работы 2003–2007 годов.
- ³⁷ Революция в гособоронзаказе / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2013. 30 ноября / URL: <http://topwar.ru/>
- ³⁸ Цит. по: *Торкунов А. В.* Современная история России в международном контексте // Вестник МГИМО(У). 2012. № 6. С. 9.
- ³⁹ *Василец В.* Пришла эпоха великого передела мира / Эл. ресурс: «Евразийская оборона». 2013. 21 января / URL: <http://eurasian-defence.ru>
- ⁴⁰ *Межуев Б.* Смена цивилизационных приоритетов // Известия. 2013. 8 ноября. С. 1.
- ⁴¹ *Василец В.* Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2013. 21 января / URL: <http://eurasian-defence.ru>
- ⁴² *Мухин В.* Владимир Путин опасается звездных войн // Независимая газета. 2012. 12 ноября. С. 1–2.
- ⁴³ *Панфилова В.* Над «Байконуром» — космическая напряженность // Независимая газета. 2013. 29 января. С. 1.
- ⁴⁴ *Мехдиев Э. Т.* Евразийская интеграция: шаги на пути к созданию единой ВКО / Эл. ресурс: «Евразийская оборона». 2012. 25 декабря / URL: <http://eurasian-defence.ru>
- ⁴⁵ Стоимость строительства двух заводов по производству новых ракет для ЗРС С-400 и С-500 обойдется в 81 млрд долл. 29 ноября 2012 г. / URL: <http://www.armstrade.ru>
- ⁴⁶ *Пожаров А.* Экономика России в начале XXI века / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2013. 19 января / URL: <http://topwar.ru>
- ⁴⁷ *Караваев А.* Оборонная Россия: станут ли мечты реальность? // Независимая газета. 2013. 29 января. С. 5.
- ⁴⁸ *Пожаров А.* Экономика России в начале XXI века / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2013. 19 января / URL: <http://topwar.ru>
- ⁴⁹ *Каберник В.* Революция в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего // Эл. ресурс: «Евразийская безопасность». 2013. 25 января / URL: <http://eurasian-defence.ru>
- ⁵⁰ Цит. по: *Минин С.* Западные СМИ: Путину брошен беспрецедентный вызов 2012. 21 ноября / URL: http://www.ng.ru/newsng/2012-11-21/100_obzor
- ⁵¹ На создание национальной противоракетной обороны в Польше, например, ежегодно предполагается выделять до 1,6 млрд злотых. См.: *Астровский Н.* Старый свет на «щите ЕвроПРО» / Эл. ресурс: «Евразийская оборона». 2012. 27 декабря / URL: <http://eurasian-defence.ru>

